

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д72

Оформление переплета — *Ирина Драгунская*
Иллюстрации — *Мария Волохонская*

Драгунский, Денис Викторович.
Д72 Богач и его актер : роман / Денис Драгунский.
— Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 443, [5] с. — (Проза Дениса Драгунского).

ISBN 978-5-17-122204-8

В новом романе Дениса Драгунского «Богач и его актер» герой, как в волшебной сказке, в обмен на славу и деньги отдает... себя, свою личность. Очень богатый человек решает снять грандиозный фильм, где главное действующее лицо — он сам. Условия обозначены, талантливый исполнитель выбран. Артист так глубоко погружается в судьбу миллиардера, во все перипетии его жизни, тяжелые семейные драмы, что буквально становится им, вплоть до внешнего сходства — их начинают путать. Но съемки заканчиваются, фестиваль шум утихает, и звезда-оскароносец остается тем, кем был, — бедным актером. И тогда он хочет отомстить за свое утраченное человеческое «я»...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122204-8

© Драгунский Д. В., текст
© Волохонская М. Л., иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

ПОЛДЕНЬ. ХАНС И ДЯДЯ-ПОЛКОВНИК

Ханс Якобсен в четырнадцать лет захотел стать офицером. Эта удивительная мысль пришла ему в голову, когда они с отцом были на параде. Когда в день рождения его величества по площади перед королевским дворцом красиво вышагивали солдаты в изящных декоративных мундирах — потому что страна не воевала уже более ста лет. Армия была маленькая, но, как писали в газетах, очень боеспособная. Эта маленькая армия, как хвастались в газетах, могла вклиниться в расположение противника чуть ли не на триста миль, чуть ли не за неделю дойти до любой столицы, захватить ее, а там остановиться, ожидая союзников. Хотя, замечу в скобках, союзников у страны тоже не было, поскольку она уже лет пятьдесят соблюдала официальный нейтралитет. Тем не менее газетные обозреватели прекрасно понимали, что пятидесяти-тысячная армия, даже прекрасно вооруженная и отлично тренированная, все равно не сможет справиться с серьезной континентальной державой. Поэтому они

допускали некоторую логически объяснимую путаницу, упоминая несуществующих союзников.

Так или иначе, армия в этой миролюбивой стране была в большом почете. Перед офицерами широко раскрывались двери светских салонов, рафинированных клубов и просто обывательских квартир. Люди любили этак солидно упомянуть: «Наш Эрик стал капитаном», «У нашей невестки дядя подполковник» и все такое прочее. Кроме того, офицер, получив майорское звание, автоматически становился почти аристократом: в старые времена за это звание полагалось потомственное дворянство; правило ушло, но след в умах остался. А полковник *ipso facto* был членом самого высшего общества, тем более что генералов в стране было всего четверо.

Вот поэтому Ханс Якобсен захотел стать офицером.

Я сказал, что это желание было удивительно. Хотя на самом-то деле большинство мальчиков из простых семей именно в военной карьере видели свой путь к славе, почету и деньгам. Кадетский корпус! Училище Святого Георгия! Академия Генштаба! Три заветные ступени, о которых мечтал, наверное, каждый третий гимназист, не говоря уже об учениках ремесленных школ. Однако такое желание, возникшее в чудесной светло-русой головке Ханса Якобсена, очень удивило его семью, потому что Якобсены была знаменитая если не на всю страну, то на ее южную часть и уж точно на столицу торговая фамилия.

Кажется, еще в середине XVII века первый Якобсен купил в порту пустое здание и устроил там склад для всякого товара, который привозили купцы из разных стран. То есть он, говоря по-нынешнему, предостав-

лял услуги скорее логистические. В XVIII веке появилась специальность — торговля текстилем и одеждой. В XIX веке — металлом. Сначала руда и железо, потом отменная сталь, которую Якобсены продавали оружейникам и часовщикам, и наконец, Эрик Якобсен приобрел небольшую мастерскую, заняв свое место среди производителей слесарного инструмента. Позже с этой мастерской пришлось расстаться, хотя она не сегодня завтра должна была превратиться в настоящий завод. Но спорить с Эриксенами и Валленштейнами не приходилось. Вернулись к торговле текстилем. Владели еще небольшой кожевенной фабрикой, которой суждено было сыграть существенную роль в судьбе Ханса Якобсена.

А сейчас он вдруг захотел стать офицером, чем очень расстроил своего отца и матушку, потому что был единственным наследником — сестра не в счет. Отец уже начинал его готовить к торгово-промышленной карьере, обучать азам коммерции, посвящать в тайны прибылей и убытков. Но мальчик упорно отказывался, говоря, что мечтает пойти в армию. Умный отец понял, что уговоры тут бессмысленны, подростку нужно дать возможность перебеситься. Хотя, с другой стороны, всегда есть опасность, что беситься он будет слишком долго и упустит те золотые годы, когда в голову закладываются основы торгового и промышленного искусства.

Поэтому одним прекрасным летом, когда семья отдыхала в своем поместье на озере, отец за завтраком как бы между делом сказал, что завтра приедет погостить дядя Эдгар. «Полковник Якобсен, разве ты не помнишь?» Мальчик не помнил. «Ну как же! — восклик-

нул отец. — Полковник Якобсен, гордость всей нашей семьи!» — и засмеялся. Мальчик пожал плечами. Он первый раз слышал это имя. Отец, взяв из комода лист бумаги и карандаш, быстро нарисовал генеалогическое древо, из которого неопровержимо следовало, что полковник Эдгар Якобсен был племянником двоюродного брата мужа сестры прабабушкиного племянника. Мальчик еще раз пожал плечами, но решил не удивляться, потому что в столичной адресной книге фамилия Якобсен занимала восемь страниц, уступая только Хансенам и Йенсенам.

Дядя-полковник приехал назавтра, и ему отвели комнату во втором этаже. Он спустился к обеду. Это был коренастый подтянутый мужчина, почти уже старик — так показалось мальчику, хотя на самом деле полковнику было немногим за сорок. Жилистый, серебриноседой, в красивом сером военном мундире. В мундире, так сказать, на каждый день. Офицеры в этой стране, как, впрочем, и в большинстве монархических стран, не имели права ходить в штатском, однако еще дедушка нынешнего короля сделал для них послабление — помимо парадного и полевого мундиров был введен мундир так называемый *бытовой*, который на самом деле ничем особенно не отличался от обыкновенного костюма, кроме того, что пиджак был слегка приталенный, а на лацканах и рукавах виднелись тоненькие серебряные или золотые, в зависимости от чина, плетеные полоски.

Мальчик понял, что визит дяди-полковника — неспроста. Он даже понадеялся, что родители приняли его желание и хотят познакомить с человеком из высшего офицерства, с тем чтобы облегчить дальнейшую

карьеру сына. Чтобы дядя-полковник мальчика сориентировал, объяснил, как в армии обстоят дела. Как говорится, что и кому, куда и почему. Это было бы неплохо. Но одновременно томило его подозрение, что это какая-то инсценировка и что дядя-полковник — кстати, мальчик не знал, на самом ли деле это дядя и полковник, может быть, это вообще какой-то нанятый артист! — что этот самый «дядя» будет его отговаривать и постарается сделать так, чтобы мальчик сам отказался от своей мечты.

Так оно и оказалось.

С той лишь разницей, что дядя Эдгар был никакой не артист, а полковник самый настоящий и действительно дальний родственник его отца, дедушки, дядюшки и кого-то там еще, мальчик успел позабыть ту ветвистую генеалогическую схему. Первые два-три дня дядя как будто бы не замечал мальчика. Они познакомились во время первого обеда, пожали друг другу руки. Мальчик почувствовал, какое твердое у дяди рукопожатие, и ощутил, как от него сильно пахнет крепким одеколоном и простым мылом («Армейским, наверное!» — подумал он). Но затем дядя занялся разговором с родителями, а потом гулял по поместью в одиночестве или читал книгу, сидя на балконе своей комнаты. Мальчик понял, что дядя выжидает, когда он к нему обратится, — решил поиграть с ним в молчанку.

Однако еще дня через два мальчик пошел купаться и увидел, что дядя только что вылез из воды, обтерся полотенцем, а когда мальчик приблизился к берегу озера, уже снова был в своем сером пиджаке, разве что босиком, в подкатанных брюках. Мальчик понял, что возникнет неловкость, если он станет молча ку-

паться, не обращая на дядю никакого внимания. Это было бы крайне невежливо по отношению к седому господину, офицеру, да к тому же родственнику. Поэтому мальчик сказал:

— Здравствуйте, господин полковник.

— Ты хотел сказать «здравствуй, дядя»? — засмеялся полковник.

— Ну да, — кивнул мальчик.

— Если да, тогда так и скажи! — Полковник засмеялся еще громче.

— Здравствуйте, дядя, — сказал мальчик.

— Не здравствуйте, а здравствуй. Здравствуй, дядя, здравствуй, Ханс. Ну-ка, еще разочек: здравствуй, дядя, здравствуй, Ханс! Можешь?

Мальчик покраснел, ему стало чуть-чуть обидно. Но он собрался с силами и повторил:

— Здравствуй, дядя!

— Здравствуй, мой дорогой! — Полковник протянул ему руку. — Купаться?

— Пожалуй, — сказал мальчик и подошел к воде. Там были деревянные мостки. Он сел на корточки, нагнулся и попробовал воду рукой. Обернулся к полковнику:

— Нет, все-таки холодно.

— Который час? — спросил полковник.

— Минутку. — Мальчик, выпрямившись, залез в карман, вытащил маленькие серебряные часы. — Половина десятого, господин полковник, то есть извините, то есть прости, половина десятого, дядя.

— Давно проснулся? — поинтересовался полковник.

— Буквально полчаса, — ответил мальчик. — Еще не завтракал.

Полковник присвистнул и почему-то опять захохотал.

— Что, дядя? — Мальчик поднял брови.

— Да нет, ерунда, а я вот собираюсь на второй завтрак. Давай быстренько купайся и пойдем.

— Пожалуй, нет, — отказался мальчик. — Купаться не буду, вода холодновата.

— Послушай, Ханс, — начал полковник. — Магда и Хенрик, твои мама и папа, сказали мне, что ты собрался в армию. Это правда? Или они пошутили?

— Правда.

— Как интересно! Значит, ты не хочешь купаться. Пошли к дому.

По дороге дядя спрашивал, чего это вдруг молодой Якобсен захотел идти в армию, но мальчик хмыкал, пожимал плечами и мыском ботинка пинал камешки на тропинке. Дядя смотрел на него искоса, улыбаясь в свои коротенькие серебряно-седые усики. В столовой никого не было.

— Пойду попрошу, чтобы мне дали завтрак, — сказал мальчик. — И тебе, дядя, тоже.

— погоди, — остановил его дядя. — Пойдем-ка ко мне.

У себя в комнате он сел в кресло и поставил мальчика перед собой:

— Мой дорогой Ханс, армия была бы счастлива иметь в своих рядах еще одного представителя старинной и почтенной семьи Якобсенов, но погляди на себя, в котором часу ты сегодня проснулся? В котором часу, я тебя спрашиваю?

— В девять, — ответил мальчик, пожав плечами. — Каникулы же.

— И Магда тебе это разрешает? — изумился дядя. — Я с ней поговорю. Впрочем, нет. Я с ней не буду говорить. Ее родительское право — баловать свое чадо,

растить из него неженку или воспитывать настоящего мужчину. Пока еще ты принадлежишь своим родителям, дорогой Ханс, и они, хорошо это или плохо, имеют право лепить из тебя ту куклу, которая им нравится. Понравится ли эта кукла обществу – второй вопрос. Однако мне почему-то кажется, – продолжал дядя-полковник, – кажется мне, что мальчик, который встает в девять часов утра, не приспособлен для армии. Я бы так сказал: не рожден для нее. А ну-ка! – Он встал. – Разденься, милый Ханс, и я разденусь тоже. Мы могли бы это сделать на озере, но ваше высочество не соблаговолило купаться, вода, видите ли, холодная; давай разденемся здесь.

– Прямо догола? – испугался мальчик. – Прямо оба?

– А что тебя смущает? – спросил полковник.

– Боюсь, в этом есть что-то дурное. – Мальчик отступил на два шага.

– Во-первых, не догола, а до пояса, – сказал полковник. – А во-вторых, в казарме, где живут курсанты или кадеты, мальчики действительно раздеваются совсем догола и ходят так, совершенно не стыдясь друг друга. Это армия. Если ты в этом видишь что-то дурное... – Он замолчал, снял с себя пиджак, потом рубашку и нижнюю фуфайку. – Раздевайся, Ханс, до пояса, слышишь? Давай посмотрим друг на друга. А теперь иди сюда. Здесь есть зеркало.

У Ханса запылали щеки, потому что дядя был худощав, поджар и очень мускулист. Курчавые седые волосы на груди скрывали мощные грудные мышцы. У него были круглые плечи, сухие, но рельефные бицепсы, крепкие локти, квадратики на животе. Дядя

втянул живот, и его брюшной пресс отрисовался еще более эффектно.

— А ты? — сказал дядя. — Тебе четырнадцать лет и семь месяцев, а тело у тебя как у двенадцатилетней девчонки. Ну-ка, согни руку в локте, подними руку повыше, напрягись. Разве это мускулы? Откуда у тебя эти странные мысли?

— Я все равно хочу в армию, — уперся мальчик.

— Может быть, ты просто не хочешь торговать? Тебе опротивели разговоры о капиталах, о прибыли, акциях и векселях?

Мальчик молчал.

— Но, милый Ханс, есть тысячи прекрасных и благородных профессий.

— Мусорщиком? — вдруг ощерился мальчик.

— Это еще зачем?

— Мне папа все время так говорит: «Не хочешь учиться, не хочешь заниматься тем же, чем занимались твои предки? Есть масса прекрасных и нужных профессий, необходимых для общества. Например, мусорщики, например, трубочисты, например, милосердные братья в домах призрения. Очень уважаемые профессии». Вот что мне постоянно твердит папа. И вы туда же?

— Не вы, а ты, — с улыбкой поправил дядя.

— И ты туда же! — возмутился мальчик.

— никоим образом! Почему ты должен быть мусорщиком? Во-первых, мусорщики тоже рано встают и должны обладать немалой физической силой. А во-вторых, есть много чудесных, даже нежных профессий. Ты можешь стать художником, можешь стать писателем, газетным репортером или критиком. Поэтом!

У тебя есть музыкальный слух? Тогда тебе прямая дорога в композиторы. Да и вообще, скажу по секрету... — Дядя приблизил к нему лицо и зашептал в ухо, чуть ли не покалывая седыми стриженными усами мальчикову щеку. — Только не говори Хенрику и Магде. Обещаешь? Твой отец заработал столько денег, приумножив капиталы своих предков, что ты имеешь полную возможность никогда не работать. Мой тебе совет: сделай вид, что прилежно учишься. Поступи сначала в коммерческое училище, потом в университет на математический факультет, поезжай повышать квалификацию в Париж, затем немного попрактиковаться в Нью-Йорк, слушать лекции знаменитых профессоров, посещать клубы, где собираются крупнейшие биржевики и промышленники. Учиться у них персонально! Я думаю, сам господин Карнеги не откажет дать аудиенцию сыну почтенного предпринимателя из Европы. И таким вот образом ты имеешь полную возможность проволынить лет до тридцати пяти. Твой отец немолод, ты ведь поздний ребенок. Довольно скоро ты окажешься богатым наследником, будешь вставать в девять, в десять, а то и в полдень, пробовать пальчиком воду в озере, возвращаться домой, где слуги тебе приготовят кофе со сливками, — и так до глубокой старости. Плохо ли?

Ханс покраснел так, что ему показалось, будто у него жар сорок два градуса. Он сам это почувствовал. У него была такая температура, когда он в прошлом году болел корью.

— Не знаю, — тихим и злым голосом ответил он. — Я все равно хочу в армию.

— Но зачем? — Дядя всплеснул руками и стал одеваться.

— Хочу быть полезен нации и королю, — сказал мальчик.

— Где ты это выучил? В какой газете прочитал? — засмеялся дядя. — Впрочем, ладно. Давай одевайся.

Ханс застегнул рубашку и направился к двери.

— Постой, — окликнул дядя. Мальчик обернулся. — Дело обстоит гораздо серьезнее, чем тебе кажется. Мне ничего не стоит составить тебе протекцию. Тебя легко примут в кадетский корпус, я даже смогу помочь тебе поступить в училище Святого Георгия. Ты выйдешь из него сержантом. Тебе будет двадцать два года, и жизнь твоя будет сломана. У тебя будет мундир с красивыми нашивками, у тебя будет квартирка в казарме, хорошее жалованье, собственный ординарец, у тебя в подчинении будет полсотни рядовых солдат и два капрала, которые будут тебя ненавидеть и презирать, а ты будешь ненавидеть и презирать свою жизнь. Из армии, особенно в нашей стране, нельзя уйти просто так. Ты же знаешь, что наша армия маленькая и гордая. Добровольно из нашей армии не уходил никто. Я также не знаю случаев, когда офицеров увольняли бы за проступки. Наши офицеры не совершают дурных проступков! И вот так ты промучаешься до отставки. Тебя станут обходить чинами. Ты будешь страдать, завидовать. Ужасная жизнь! Я могу тебе помочь, дорогой Ханс. — Дядя обнял его и погладил по плечу. — Но подумай, подумай, подумай хорошо.

— Я уже все решил, — упрямо сказал мальчик и посмотрел своими ярко-синими глазами в выцветшие голубые глаза дяди. — Я буду офицером, а если ты окажешь мне протекцию, буду тебе весьма признателен.